

Сражение при реке

Первое крупное сражение Крымской войны России с коалицией Великобритании, Франции, Турции, Сардинии 1853–1856 годов за господство в бассейне Черного моря произошло 8 (20) сентября 1854 года в Крыму, в долине реки Альмы, впадающей в Черное море между Евпаторией и Севастополем. В богатом на памятные даты 2014 году сражению на Альме исполнилось 160 лет. Это была кровавая битва англо-французских войск с русской армией под командованием генерал-адъютанта князя Александра Сергеевича Меншикова, занявшей позиции на высоком берегу реки, дабы не допустить движения союзных армий к Севастополю и предотвратить захват ими с ходу не подготовленной к обороне базы Черноморского флота.

Не встретившие сопротивления войска англо-французского экспедиционного корпуса высадились на берег с подошедшей к Евпатории эскадры 2 (14) сентября 1854 года. Армия союзников насчитывала около 60 тысяч солдат и 132 орудия. Огневую поддержку осуществляла флотская артиллерия. Чрезвычайно важным для исхода битвы оказалось то, что союзная армия была вооружена штуцерами (нарезными ружьями, обеспечивавшими меткую и кучную стрельбу), в то время как в русской армии было всего немногим более полутора тысяч штуцерников. Русская армия под командованием князя А.С.Меншикова насчитывала 35 тысяч солдат и 84 орудия. В 1854 году газета «Русский инвалид» напечатала отчет об этом сражении: «Князь Меншиков занимал 8-го сентября позицию за р. Альмою с 42-мя бат<альонами>, 16 эскадронами и 84 орудиями. Центр боевого порядка расположен был по краю крутого левого берега, против деревни Бурлюк, а левый фланг на возвышенной местности, в расстоянии около 2-х верст от моря; правый фланг составлял самую слабую часть позиции. Впереди боевых линий, на правом берегу реки деревня Бурлюк и ближайшие к ней виноградники заняты были стрелками. В резерве за центром стояли 3 пехотные полка (Вольнский, Минский и Московский) с двумя легкими пешими батареями; правее их оба гусарские полка, с двумя батареями конными, а позади правого крыла — Углицкий егерский полк <...>. В полдень неприятельские войска двинулись к р. Альме и решительно атаковали нашу позицию. Правое крыло составляли французы, левое — англичане. Те и другие наступали стройно, развернутыми линиями, под прикрытием густой цепи штуцерных стрелков. Наши стрелки встретили неприятеля метким огнем, и вскоре на всем

протяжении боевых линий завязалась жаркая перестрелка. С самого начала боя действие многочисленных стрелков неприятельских, вооруженных штуцерами с коническими пулями, произвело сильное опустошение в наших рядах <...>.

Левым флангом русской армии командовал генерал Кирияков. Его полки атаковали французские войска под управлением генерала Боске, имевшие численное превосходство, но временное отсутствие артиллерии сдерживало наступление французов.

Правый фланг русских войск должен был удерживать господствующую высоту — Курганный холм. Командовал войсками правого фланга генерал П.Д.Горчаков. На Курганном холме был развернут Казанский полк. Большой и Малый редуты на холме удерживали Владимирский и Углицкий полки. Командовал обороной холма генерал О.Квицинский».

Именно он лично в критический момент боя повел в классическую штыковую атаку два батальона владимирцев, обративших в бегство англичан. Генерал Горчаков бросил в штыковую атаку еще два батальона Владимирского полка. В результате противник был сброшен в реку. Подвиг владимирцев увековечен в мемориале, который был воздвигнут на месте битвы и существует в наше время.

И все же русские войска вынуждены были отступить, теснимые превосходящими силами союзников. Сражение на реке Альме приостановило движение англо-французского экспедиционного корпуса на Севастополь, не позволило взять незащищенный город штурмом и дало время подготовиться к обороне.

Потери русской армии в Альминском сражении составили, по современным сведениям, 5709 человек: из них 1801 убитый (в том числе — 46 офицеров) и 795 пропавших без вести (из них — 7 офицеров).

Союзники потеряли примерно 3500 человек (из них — 648 убитых и 21 пропавший без вести). Один из английских военачальников, дивизионный генерал герцог Кембриджский, оценивая Альминское и Балаклавское сражения, мрачно сказал: «Еще одна такая победа, и у Англии не будет армии».

В бою на реке Альме участвовал мой прадед, в то время штаб-капитан Углицкого полка Михаил Александрович Енишерлов. Он оставил описание этого сражения, опубликованное в «Военном сборнике» (1859. № 1) и перепечатанное в «Материалах для истории Крымской войны и обороны Севастополя» (СПб., 1871. Вып. II).

Мемориал, посвященный Альминскому сражению времен Крымской войны 1853–1856 годов.

Фото С.Клименко. 2011

Альме

Один из старейших в России Углицкий (названный по имени города Углич. — В.Е.) пехотный полк, в котором служил капитан Енишерлов, с весьма малыми потерями выйдя из Альминского сражения, отступил к Севастополю, где отличился в Севастопольской обороне и был Высочайшим повелением за подвиги, мужество и храбрость награжден Георгиевским полковым знаменем с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Всю Севастопольскую оборону прошел с полком и капитан М.А.Енишерлов, потомственный военный. Его отец Александр Тимофеевич Енишерлов, вышедший в отставку майором, служил в Бородинском и Казанском пехотных полках. Михаил Александрович родился в 1828 году. В 1853 году значится поручиком Углицкого полка, в штабе-капитаны произведен 14 июля 1854 года. Во время одного из боев за Севастополь пуля попала ему в грудь. Михаила Александровича спасла золотая ладанка, которой перед началом войны благословила его мать. Ударившись в ладанку, пуля отклонилась, и капитан был лишь контужен. После Крымской войны он еще некоторое время служил, в 1869 году вышел в отставку по прошению в чине подполковника. Штаб Углицкого полка размещался тогда в городе Краснослободске неподалеку от Пензы. В конце 1850-х годов М.А.Енишерлов женился на Анне Николаевне Бекетовой, дочери богатого пензенского помещика Н.А.Бекетова. Ее братьями были Алексей Николаевич, Николай Николаевич и Андрей Николаевич Бекетовы, известные русские общественные и научные деятели. С 1864 года М.А.Енишерлов избирался мировым посредником по Пензенской губернии. Умер он в 1870 году в пензенском имении Урлейка, доставшемся его жене в наследство.

Капитан Углицкого пехотного полка Михаил Енишерлов, участник сражения при реке Альме и Севастопольской обороны. Конец 1850-х годов. Публикуется впервые

Сохранилось несколько портретов М.А.Енишерлова и некоторые его бумаги. Очень многое погибло в Урлейке в революцию.

Записки о сражении при Альме М.А.Енишерлов писал, видимо, во второй половине 1850-х годов. В них чувствуется живой взгляд участника дела и интересный военно-

исторический анализ, говорящий об авторе как о способном военном писателе. О своей работе по описанию сражения при реке Альме М.А.Енишерлов, бывший адъютантом генерал-майора, командира 16-й пехотной дивизии О.А.Квицинского, замечал: «Находясь при генерале Квицинском почти во все продолжение битвы, я имел случай видеть весь ход боя на правом фланге и в центре наших войск и не был очевидцем только действий войск, сражавшихся левее Бородинского полка <...>

Для описания действий неприятеля и тех из наших полков, которые сражались на левом фланге, принято мною к руководству и соображению все, что мне удалось прочесть об альмском сражении на русском и французском языках, равно и то, что удавалось услышать от участвовавших в этом сражении офицеров как наших, так и неприятельских войск. Что же касается действий на нашем правом фланге, где находились полки 16-й дивизии <...>, то

описание это признано за верное некоторыми офицерами полков 16-й пехотной дивизии, офицерами, которые не только участвовали, но и наиболее отличались как в альмском, так и в последовавших за тем сражениях». К сожалению, других литературных работ М.А.Енишерлова, в том числе на военные темы, мы не знаем. Записки печатаются с сокращениями. Нам кажется, что они весьма актуальны, ибо даже на примере одного сражения показывают, какой крови и какому подвигу стоил Крым России.

В.ЕНИШЕРЛОВ

Описание сражения¹

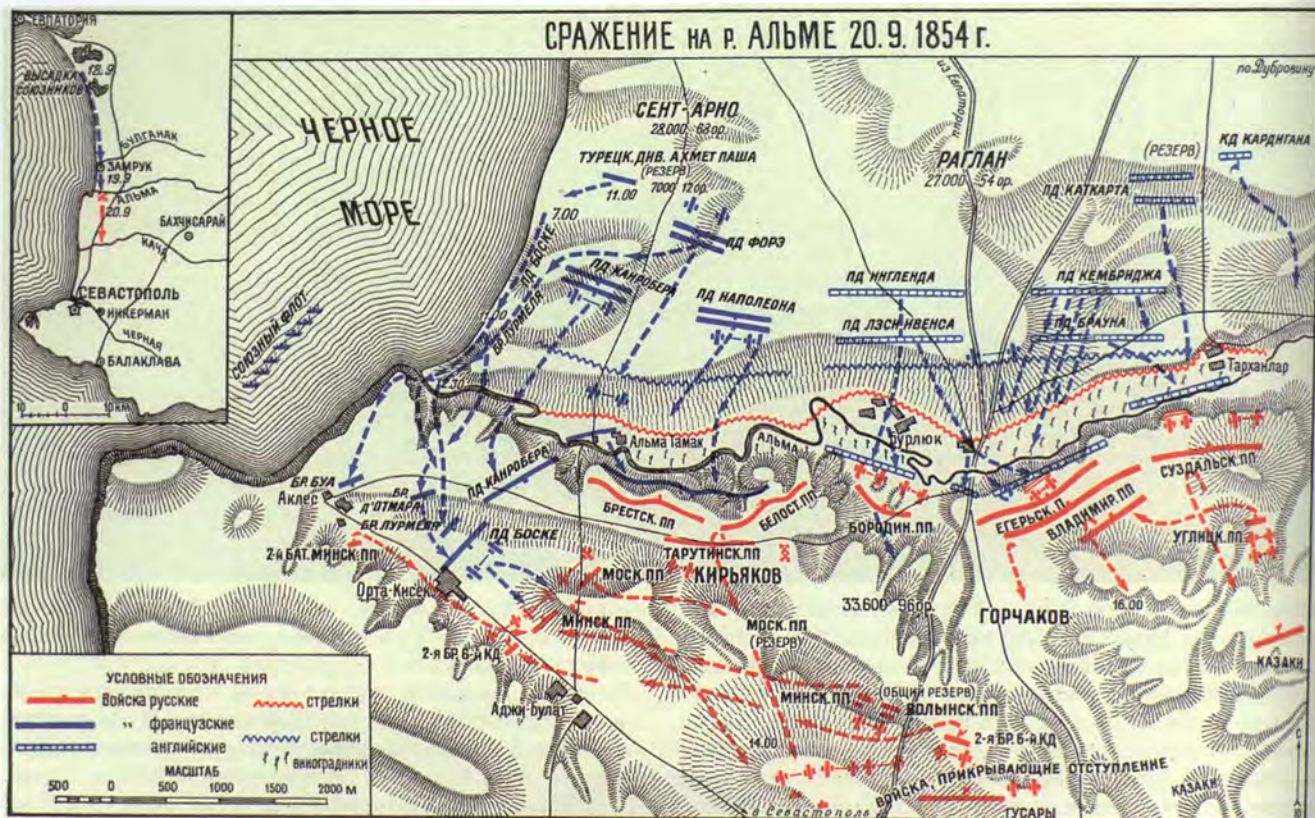

Схема Альминского сражения. Расположение русской армии и войск англо-французско-турецкой коалиции

Позиция наших войск на высотах левого берега Альмы, имеющих от 100 до 150 и более футов командования над долиною реки Альмы, была из самых выгодных позиций, которые представляются вдоль морского берега, между Каптуганом (название озера, относящегося к Евпаторийской группе крымских озер. — В.Е.) и Севастополем.

От развалин древнего татарского укрепления, лежащего на вершине мыса, при устье реки, до оврага, находившегося против восточной оконечности деревни Альма-Тамак, высоты левого берега реки Альмы обрывисты до того, что только местами представляют едва доступные всходы, и то преимущественно по крутым и узким оврагам. Близ устья обрывы эти тянутся над самою рекою, так что местами верхняя окраина их отстоит от правого берега реки менее, чем на выстрел гладкоствольного ружья.

Далее за оврагом, постепенно отделяясь от реки, возвышения левого берега поворачивают к югу возле главной эвпаторийской дороги, и на этом пространстве скаты их представляют уже более доступные покатости, с уступами, образующими в полугоре довольно обширные площадки, в виде покатых террас. Здесь фронт позиции пересекается балкою², спадающею к реке Альме, против деревни Бурлюк. Через эту балку проходит главная эвпаторийская дорога. На восток от дороги возвышается гора, имеющая округленную вершину продолговатой и неправильной формы, от которой во все стороны идут

вначале довольно крутые, а потом весьма пологие скаты. На северо-восточном скате этой горы, над рекой Альмой, находится почти круглый и довольно высокий холм, за которым проходят две дороги, идущие от трактира деревни Тарханлар к реке Каче. Между этими дорогами во время сражения стояли казаки и составляли крайнюю часть войск на правом фланге отряда.

При этом следует заметить, что мыс, на котором находятся развалины старого татарского укрепления, очень высок и имеет вид совершенно недоступного утеса, на восточной стороне которого выется искусственно сделанная дорожка, для спуска к реке. Уничтожить всякую возможность подъема по этой, и без того чрезвычайно крутой и неудобной, дорожке было не трудно. Тут же, рядом с мысом, находится овраг, глубокий и длинный, дно которого хотя тоже весьма неудобно для подъема на высоты, но все не так круто, как в прочих оврагах. Морской берег на пространстве от мыса до балки Улукул высок и почти отвесный. По мере приближения к балке высота его уменьшается, а балка Улукул представляет собою единственное место вблизи от нашей позиции, на котором неприятель мог сделать высадку в тылу наших войск. Далее к югу, далеко за мыс Улукул, морской берег, будучи опять очень высок и обрывист, неудобен для высадки, хотя есть места, где можно причалить гребному судну, а десанту, высадившись, взобраться поодиночке на вершину берега.

На правой стороне реки Альмы, к северу, простирается обширная и совершенно обнаженная равнина, которая с высот левого берега хорошо видима на большое пространство.

На всем этом пространстве только самый берег реки покрыт виноградниками, садами и строениями деревень: Альма-Тамак, Бурлюк и Тарханлар. Густые сады, обнесенные каменными оградами, тянущимися по самой окраине правого берега, и виноградниками (в коих также местами, и особенно возле оград, росли деревья), равно и

¹ Я был бы весьма благодарен, если бы кто-нибудь из участвовавших в сражении при Альме, найдя какую-либо неточность в моем описании, высказал свои замечания или же дополнил подробности, мною упущенные и, стало быть, мне неизвестные. Истина всего дороже. (Здесь и далее примеч. М.А.Енишерлова.)

² Балками в южной России называются широкие овраги, берега которых покаты. Овраг узкий, с обрывистыми берегами, называется яром. В войсках наших эти названия сделались общеупотребительными.

строения деревень, представляют удобную защиту от выстрелов не только стрелкам, но и целым колоннам. Река Альма, извинаясь вдоль всего фронта нашей позиции, во многих местах имеет броды и против деревни Бурлюк деревянный мост.

Вот в чем состояли выгоды нашей позиции: 1) в командовании над правым берегом, 2) в том, что неприятель не мог сделать ни одного скрытого движения, тогда как у нас он мог видеть только происходящее в первой боевой линии (2-я линия наших войск была от него скрыта), и, наконец, 3) в том, что флот нигде, ни даже возле татарского укрепления, не мог вредить прицельной или картечью пальбою, а только навесными выстрелами, посылаемыми наобум, потому что, кроме самой высоты берега, препятствующей картечной и прицельной стрельбе, овальная выпуклость вершины мыса, тянувшаяся от старого укрепления к деревне Аклес, будучи значительно выше местности, лежащей к востоку, заслоняет ее совершенно со стороны моря.

К невыгодам нашей позиции можно отнести ее растянутость от моря до холма, около семи верст; но эта невыгода несколько уменьшалась тем, что пространство от мыса до телеграфа могло быть защищено весьма небольшим числом войск.

Вторая и главная невыгода состояла в том, что вдоль всего фронта неприятель, приблизившись к нашей позиции, приобретал превосходное закрытие от выстрелов в деревьях, садах и оградах, которых мы, по малочисленности нашего отряда, не могли и не намерены были отстаивать.

Легко можно было предвидеть и еще легче устранить эти невыгоды, разрушив ограды и вырубив сады³. Не получая приказаний разрушить ограды и вырубить сады и привыкнув во время походов заботиться о сбережении собственности мирных жителей, частные начальники строго запрещали рубить даже раkitник, росший у садовых оград. Так поступали в том предположении, что если позволить рубить раkitник, то и фруктовые деревья не миновали бы той же участи. Для топлива на кухнях за наименьшим дров позволялось вырубать только то ничтожное количество ольхи и раkitника, которое росло на левом берегу реки в тех местах, где не было садов и виноградников⁴. Таким образом, к 8-му сентября собственными стараниями мы сберегли неприятелю надежную защиту от наших выстрелов, а свой и без того голый берег обнажили окончательно.

II

Войска наши левым флангом примыкали к дороге, идущей из деревни Альма-Тамак, чрез овраг, к деревне Аджы-Булаг. Здесь на вершине горы, в первой линии, находились пятые и шестые батальоны Белостокского

³ Вскоре после высадки предположено было вырубить сады, но, не знаю почему, эта мысль не была приведена в исполнение.

⁴ На левом берегу реки только в одном месте были виноградники, а именно против возвышений, которые были защищаемы резервными батальонами Белостокского и Брестского полков.

⁵ Полки 16-й пехотной дивизии и казаки.

⁶ Полки 2-й бригады 17-й и резервные батальоны 13-й пехотных дивизий.

и Брестского полков в ротных колоннах, имея во второй линии Тарутинский, в колоннах к атаке, а в резерве Московский полк, и легкую № 4 батарею 17-й артиллерийской бригады.

Пространство на две версты от моря до нашего левого фланга не было занято войсками: только второй батальон Минского полка был выслан к деревне Аклес, для воспрепятствования высадке в балке Улукул.

Прежде ежедневно для наблюдения за неприятелем высылались на мыс Улукул один батальон с четырьмя орудиями, а к старому татарскому укреплению одна рота, но 8-го числа утром, когда стали приближаться неприятельские пароходы, эти посты были сняты и на место их послан 2-й батальон Минского полка к деревне Аклес, а мыс оставлен был вовсе без наблюдения.

Адмирал, светлейший князь А.С.Меншиков, командующий русской армией. Литография конца 1850-х годов. ГМТ

Причиной такого распоряжения было господствовавшее у нас мнение, что высоты от моря до оврага недоступны и что, следовательно, сухим путем обход нашего левого фланга невозможен. Пред телеграфом, в центре нашей позиции у подошвы горы и почти над самым виноградником, стояли легкие №№ 1 и 2 батареи 16-й артиллерийской бригады.

Позади их, в полугоре, на склонах покатых террас расположен был Бородинский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (ныне Его Величества) полк, построенный в колоннах к атаке.

По правую сторону эвпаторийской дороги, на северо-западном скате горы и на картечный выстрел от Бурлюкского моста, в эполементе (полевое фортификационное укрепление крыла бастиона, невысокий вал, особый род бруствера, служащий боковым прикрытием войска на открытой местности. — В.Е.) находилась батарейная № 1 батарея той же бригады, имея за собою егерский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк.

На вершине горы, также в эполементе, стояла № 3 батарея 14-й артиллерийской бригады и правее ее Суздальский пехотный полк, с легкой № 4 батареею той же бригады.

За горою, на южном скате ее, были расположены Владимирский и Углицкий полки, составляя собою вторую линию. За ними в резерве находилась батарейная № 3 и легкая резервная № 4 донские батареи.

Все полки 16-й пехотной дивизии были построены в колоннах к атаке. Правый фланг прикрывали казаки. В садах деревень Бурлюк и Альма-Тамак были рассыпаны 6-й стрелковый и сводный морской батальоны. Саперы были расположены у моста.

Три батальона Минского и Вольнского полков, с легкой № 5 батареею 17-й артиллерийской бригады, и гусарская бригада 6-й легкой кавалерийской дивизии, с коннолегкою № 12 батареею, составляли общий резерв и были расположены при эвпаторийской дороге, в ложбине, соединяющейся с долиною Улукул.

Войска, находившиеся в центре и на правом фланге⁵, т.е. против Бурлюкского моста и правее оного, состояли под начальством генерала от инфантерии князя Горчакова; расположенные на левом фланге⁶ были вверены начальнику 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Кирьякову.

В заключение должно присовокупить, что, кроме упомянутых двух эполементов, на восточной оконечности горы был воздвигнут редут для усиления правого фланга наших войск, но как неприятель вынужден был отказаться от намерения обогнуть наш правый фланг (что будет объяснено в своем месте), то этот редут не принимал никакого участия в сражении и потому, вероятно, не был упомянут в реляции, а следовательно, и в описаниях, составленных по реляциям⁷. За тем других укреплений, ни даже ложементов для стрелков мы не имели. Местность занимаемой нами позиции не представляла никаких естественных укрытий для войск, ее защищавших.

III

Союзные войска 7-го сентября приблизились к нашей позиции и стали теснить казаков, бывших в передовой цепи. На подкрепление аванпостов князь *Меншиков* выслал всю бывшую при отряде кавалерию с коннолегкою № 12 и донскую № 4 батареями, а также и 2-ю бригадою 17-й пехотной дивизии. После небольшой перестрелки, стоившей и нам и неприятелю нескольких человек, войска эти отступили на общую позицию, а неприятель расположился бивуаками на левом берегу речки Булгонак.

В тот же день, осмотрев по возможности местность, занятую нами, главнокомандующие союзных войск положили на следующее утро атаковать нас с фронта и обойти с флангов. Французской армии предназначалось действовать на правом, а английской на левом фланге. Для обхода нашего левого крыла была назначена дивизия генерала *Боске*, в распоряжение которого поступили и турецкие войска. Восемь пароходов должны были содействовать атаке этой колонны. Но как обрывы высот левого берега Альмы при устье ее обещали мало успеха атакующему, то колонна *Боске* предназначалась более для того, чтобы отвлечь наши силы к левому флангу; решительный же удар представлялось сделать англичанам, обогнув наш правый фланг. Вследствие таких предположений, время выступления войск с позиции было распределено следующим образом: колонна *Боске* должна была выступить в 5½ часов утра (чтобы предварительно отвлечь часть наших сил); чрез полчаса после нее предположено тронуться английской обходной колонне, а в половине седьмого остальным войскам.

Наступило утро 8-го сентября.

Как было определено, в 5½ часов вдоль морского берега двинулась колонна *Боске*⁸. Более часа прошло после того, а в английском бивуаке не было заметно никакого движения. Французский главнокомандующий, послав узнать о причине промедления к лорду *Раглану*, оста-

Сражение на реке Альме. Литография

новил движение своей правой колонны⁹. Оказалось, что часть английских войск слишком поздно ночью прибыла на позиции при реке Булгонак и требовала отдыха, почему англичане не могли выступить в назначенное время. Час выступления армий был отложен. В исходе одиннадцатого тронулись наконец все неприятельские войска в походных колоннах. Когда колонна *Боске*, бывшая значительно впереди прочих войск, была уже близ устья реки Альмы, остальные французские войска, находясь в расстоянии около двух пушечных выстрелов от деревни Альма-Тамак, стали строиться в боевой порядок. Вероятно, вследствие обычной медленности в движениях, английская армия отстала, и предположение, по которому ее обходная колонна должна была следовать несколько впереди войск, назначенных для атаки с фронта, не было приведено в исполнение. Наконец и англичане стали в боевые линии.

В следующем порядке построились к бою союзники: левее колонн *Боске*, против деревни Альма-Тамак и ее садов, построились дивизии генерала *Канробера* и принца *Наполеона*, имея в центре по одной батарее. Батальоны каждой

дивизии стали в две линии; некоторые из батальонов первой линии были развернуты, остальные в колоннах.

Резерв состоял из дивизии генерала *Форе*, ставшей за серединой боевых линий и турецких войск, оставленных *Боске* близ морского берега. Левый фланг французских боевых линий находился против альмского телеграфа.

Левее французов, развернутым фронтом и на значительном одна от

другой расстоянии, вытянулись в две линии английские батальоны. Первую линию составляли дивизии *Эванса* и *Броуна* с одною батареею в центре, а вторую — дивизии *Энгленда* и герцога *Кембриджского*. За левым флангом последней был расположен резерв, состоявший из дивизии *Каткарта* и кавалерии. Центр боевого порядка англичан находился против Бурлюкского моста.

Между тем, пока строились эти войска, *Боске*, подойдя к реке Альме и видя значительную часть левого берега нами не занятого, тотчас же стал переправляться вброд и, по дну оврага, взбираться на вершины высот левого берега.

В это время с пароходов, вытянувшихся от устья Альмы почти до мыса Улукул, была открыта сильнейшая канонада. Снаряды долетали до левого фланга брестских батальонов. В голове французской обходной колонны находились зуавы (особый вид французской легкой пехоты, составленной из стрелков-алжирцев. — *В.Е.*). Едва достигнув вершины высот, они немедленно рассыпались и, охватив своею цепью значительное пространство, тотчас же открыли огонь по 2-му батальону Минского полка, у которого внезапно очутились во фланге и даже в тылу. Заметив это, князь *Меншиков* немедленно послал на этот пункт Московский полк, с легкими № 4 и 5 батареями 17-й артиллерийской бригады.

Между тем, угрожаемый опасностью быть отрезанным от отряда, от которого находился в расстоянии нескольких верст, и видя невозможность удержать за собою позицию при деревне Аклес, где подвергался перекрестному огню с фронта (пароходы обстреливали и долину Улукул), фланга и даже с тыла, командир 2-го батальона Минского полка подполковник *Ракович* предпринял отступление вверх по долине Улукул. Застрельщики его завязали сильную перестрелку с французскими стрел-

⁷ К месту, где стоял редут, мне не случалось подъезжать ни до сражения, ни во время оно, и сам я не видел редута, но о существовании его знаю от некоторых офицеров 16-й пехотной дивизии, бывавших там с рабочими.

⁸ Движение колонны генерала *Боске* не могло быть замечено с нашей позиции ранее того времени, как голова ее была уже на берегу р. Альмы: *Боске* шел по берегу моря, над которым тянется ряд холмов, достаточно высоких для того, чтобы скрыть это движение. Заметить его ранее могли бы мы только с мыса, который оставался незанятым.

⁹ Когда колонна генерала *Боске* была остановлена, эскадра, назначенная ей на помощь, продолжала движение и потому прибыла ранее к устью реки Альмы.

ками, удерживая их настолько, чтобы дать батальону возможность отступить к отряду в порядке. Таким образом, 2-й батальон Минского полка стройно отступил к деревне Орта-Кисек. За этой деревней, заметя приближение Московского полка, подполковник *Ракович* усилил цепь и прекратил отступление. Подоспевшая вскоре легкая № 4 батарея 17-й артиллерийской бригады значительно помогла его батальону удерживать за собою позицию близ деревни Орта-Кисек, пока подошел и построился Московский полк, который, впрочем, был уже близко.

Не предполагая возможный обход нашего левого фланга и не имея вследствие этого даже наблюдательного поста близ мыса¹⁰, мы, разумеется, заметили движение *Боске* очень поздно, а именно в то время, когда голова его колонны показалась из оврага, почему Московский полк¹¹ с легкими № 4 и 5 батареями 17-й артиллерийской бригады, посланный только в то время, когда неприятельские стрелки завязали уже перестрелку с 2-м батальоном Минского полка¹², опоздал прибытием на позицию и, будучи слабее неприятеля в этом пункте (его встретила целая бригада *д'Отмара*, а бригада *Буа* также показалась из оврага), не был в состоянии сбросить его обратно к реке. Если бы мы, допуская возможность обхода левого фланга, стерегли движения неприятельской обходной колонны и ранее заметили намерение обойти нас, то, вероятно, Московский полк (а равно и Минский) не опоздал бы прибытием, и неприятель был бы сброшен к реке.

Вскоре после Московского получил приказание следовать к тому же пункту и Минский пехотный полк; но, находясь до сего в общем резерве, полк этот должен был пройти значительно большее пространство, сравнительно с Московским, и потому прибыл также не вовремя; вся дивизия *Боске* с артиллерией была уже на высотах, и неприятель опять был сильнее нас в этом пункте. Несмотря на это, по прибытии Минского полка, пристроившегося к левому флангу Московского, с нашей стороны была сделана попытка сбросить неприятеля штыками, но французы видимо уклонялись от рукопашного боя и встретили нашу атаку картечью и батальным огнем цепи и развернутых батальонов. Не будучи в состоянии без огромных потерь пройти густой град пуль, почти в расстоянии версты начавший метко поражать наши колонны, мы должны были отказаться от удара в штыки и стали заботиться о том только, чтобы огнем батарей и застрельщицей цепи удерживать напор неприятеля.

¹⁰ В статье, помещенной в 3-й книге «Военного Сборника», генерал-майор *Вунш* упоминает также только о 2-м батальоне Минского полка, поставленном, в виде наблюдательного поста, у подъема с моря. Но так как позиция 2-го батальона Минского полка таким общим выражением определена не точно, а статья генерал-майора *Вунша*, как исправлявшего в то время должность начальника главного штаба, должна иметь авторитет в глазах читателей, то, в отвращение всякого сомнения, считаю необходимым объяснить: что, кроме читанных мною официальных бумаг, определяющих позицию 2-го батальона Минского полка именно близ деревни *Аклес*, я слышал об этом от самого подполковника *Раковича*, командира батальона, и слышал вскоре после альмского сражения.

¹¹ В журнале военных действий 6-го пехотного корпуса, составленном по донесениям полковых командиров, сказано,

Обращенные фронтом к стороне моря, откуда обогнула нас колонна генерала *Боске*, Московский и Минский полки примыкали левым флангом к деревне *Орта-Кисек*, а правым — к дороге, пролегавшей от деревни *Алма-Тамак* к реке *Каче*. Таким образом, линия фронта этих полков образовала с первой боевой линией наших войск тупой угол. С этой минуты войска прежде бывшего нашего левого фланга¹³ можно считать уже в центре расположения нашего отряда, и потому полки, высланные против *Боске*, впредь мы будем называть левым, а бывшие в распоряжении князя *Горчакова* — правым крылом наших войск.

Не успев отбросить штыками неприятеля с вершины высот, на левом фланге нашей позиции мы лишились всех выгод, которые могла нам предоставить местность. На левом фланге мы должны были сражаться уже на ровной и открытой плоскости, не дававшей нам никаких преимуществ пред неприятелем, а при одинаковых шансах относительно местности мы не могли рассчитывать на победу, имея дело с врагом, лучше нас вооруженным и сильнеешим по численности. Следовательно, в то время, когда на нашем правом фланге только что завязывался бой, на левом судьба сражения была уже решена, тем более что мы не имели возможности послать сильное подкрепление к Московскому и Минскому полкам.

Главкомандующий *Сент-Арно* медлил наступлением остальных войск, пока первый выстрел французской артиллерии, раздавшийся на вершине высот нашего берега, не убедил его в том, что обходное движение колонны *Боске* удалось вполне, сверх всякого ожидания. Тогда остальные неприятельские войска атаковали нас с фронта. Заметя удачу колонны *Боске* и не будучи в состоянии одновременно с французами совершить обход нашего правого фланга, а равно и потому,

Генерал от инфантерии, князь П. Д. Горчаков.
Литография конца 1850-х годов. ГМТ

что не могли исполнить этого иначе, как растянув свои остальные войска до деревни *Тарханлар*, и, следовательно, рискуя атаковать наш фронт слишком тонким строем, англичане ограничились только фронтальной атакою. Стрелки их, одновременно со стрелками дивизий генерала *Каиробера* и принца *Наполеона*, атаковали сады, занятые нашими стрелками. Наши два батальона, рассыпанные на протяжении 5 верст, не могли долго удерживать неприятеля. Не имея непосредственно за собою никакого резерва, после получасовой перестрелки они отступили: саперы и моряки за 2-ю боевую линию, а 6-й стрелковый батальон полубатальонно в первую боевую

что вначале было послано главкомандующим только два батальона Московского полка с одною батареею № 4 и что вскоре после этого приказано идти и остальным двум батальонам. Но как это сказано в таком смысле, что можно предполагать промежуток времени между отправлением обоих эшелонов весьма ничтожным, то я и не поясняю этого в самом описании.

¹² Что Московский полк действительно был послан в этот момент, а не ранее, это подтверждает тоже вышеупомянутая статья генерал-майора *Вунша*, в которой сказано так: «Первый огонь по неприятелю открыл 2-й батальон Минского полка, находившийся на наблюдательном посту у подъема с моря. Главкомандующий тотчас послал меня к тому батальону, приказав немедленно двигаться назначенным в том пункте войскам...»

¹³ Состоявшего под начальством генерала *Кирьякова*.

линию: 1-й полубатальон его отошел к правому флангу наших войск, где и растянул свою цепь пред Суздальским полком, между холмом и горою; 2-й же полубатальон отступил на левый фланг батальонов Брестского полка и рассыпался в интервале между этими батальонами и правым флангом Московского полка. Отступая, стрелки зажгли деревню Бурлюк, действуя в этом случае, вероятно, под влиянием чувства, которое заставляет нас, русских, всегда стараться истребить все, что приходится уступить неприятелю.

Как только сады были заняты цепью неприятельских штуцерных, дивизия *Капробера* получила приказание идти на помощь к *Боске* и стала стягиваться за деревню Альма-Тамак, а батальоны дивизии принца *Наполеона* разместились в садах этой деревни, за которыми на высотах правого берега Альмы расположились две батареи, открывшие огонь по войскам нашей первой линии.

Английские батальоны подвинулись к деревне Бурлюк. Бригада *Буллера*, а впоследствии и бригада *Коллин-Кэмпбелля* заняли сады между деревнями Бурлюк и Тарханлар; бригада же *Кодрингтона* свернулась в колонны и, поддерживаемая остальными войсками первой линии, устремилась на мост с целью овладеть этою переправой. Пожар, распространившийся под д. Бурлюк, несколько стеснял движения англичан. Саперы приступили к уничтожению Бурлюкского моста только в то время, когда стрелки наши стали уже отступать из садов, почему и нельзя было успеть сломать его; по крайней мере, из числа свидетелей переправы английских войск я не знаю никого, кто бы заметил, что англичане предварительно починали этот мост. Во всяком случае, требовал ли он исправления, или нет, можно утвердительно сказать, что ни один из английских батальонов, при обычной медленности их движений, не был бы в состоянии переправиться в этом месте, если бы легкая № 1 батарея 16-й артиллерийской бригады была прикрыта эполементами и могла держаться на своей позиции.

Когда бригада *Кодрингтона* приблизилась к мосту, эта легкая батарея, а равно и батарея № 1 той же бригады, открыли по ней беглый картечный огонь. Штуцерные Бородинского и егерского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полков со-

средоточили также свои выстрелы на этот пункт. Батальоны *Кодрингтона* не были в состоянии пройти под таким огнем: потерпев огромную потерю, они отступили за Бурлюкский трактир. Но неприятельские стрелки, скрываясь за каменными оградами садов, уже стали проникать в виноградники, лежавшие на левом берегу. Меткий огонь их штуцеров страшно вредил нам, а особенно двум легким батареям 16-й артиллерийской бригады, бывшим в близком расстоянии от этих виноградников. Генерал *Кирьяков* еще до начала сражения находил неудобною занимаемую его войсками на полугоре позицию, не представлявшую никакой защиты даже застрельщикам; когда же град штуцерных пуль стал поражать артиллерию и колонны Бородинского полка, то генерал, вероятно, приказал войскам своим отступить на вершину горы. Легкая № 2 батарея 16-й артиллерийской бригады и пехота начали

отступление еще в то время, когда легкая № 1 батарея продолжала поражать отступившие батальоны бригады *Кодрингтона*. Эта батарея последняя снялась со своей позиции и от большой потери в лошадях едва была в состоянии увезти в гору орудия. С этой минуты переправа через мост стала доступнее, тем более что войска генерала *Кирьякова* не остановились на вершине горы, как это следовало бы сделать, а продолжали отступление за телеграф. Что было причиной их окончательного отступления из первой линии, нельзя определить достоверно. Что войска продолжали отступление самопроизвольно, побуждаемые паническим страхом, — этого предположить невозможно: огонь неприятельских стрелков не мог произвести подобного впечатления, к тому же, находясь на вершине горы, войска эти были уже почти вне выстрелов. Нельзя также предположить, чтобы войска продолжали отступать, согласно с намерениями генерала *Кирьякова*, который хотя и мог считать сражение проигранным, видя большую массу неприятельских войск на вершине высот во фланге нашего отряда, но, во всяком случае, не мог решиться начать окончательное отступление, не будучи вынужден к тому напором сильнеешего неприятеля и не получая на то приказаний от главнокомандующего. Надо полагать, что обстоятельство это было просто делом случайным¹⁴.

пешком, тем более что внимание свое останавливали только на всадниках. Что адъютантов не было при генерале, когда под ним убита лошадь, это ясно: каждый из них, вероятно, поспешил бы предложить свою лошадь начальнику, и князь *Меншиков* не встретил бы его пешим. Только подобным образом можно объяснить странное отступление войск, состоявших под начальством генерала *Кирьякова*. Но это только предположения, которые могут быть ошибочны, и генерал *Кирьяков*, вызванный статьею генерал-майора *Вунша*, быть может, объяснит это дело обстоятельно.

На статью генерал-майора В. Вунша «Несколько слов против «Новых подробностей о сражении при Альме», изложенных генералом Кирьяковым в № 136 «Русского инвалида», опубликованную в «Материалах для истории Крымской войны и обороны Севастополя» (СПб., 1871. Вып. II. С. 440-452), генерал ответил статьей: «Возражение на статью генерал-майора Вунша» (Там же. С. 452-460). — В.Е.

Генерал-лейтенант В.А.Кирьяков, начальник 17-й пехотной дивизии. Литография конца 1850-х годов. ГМТ

¹⁴ В статье генерал-майора *Вунша* сказано, что князь *Меншиков*, приехав к телеграфу, не застал уже там войск генерала *Кирьякова*, но самого его встретил идущего пешком, и на вопрос князя: «Где его войска?», г. *Кирьяков* отвечал, что «Под ним убита лошадь». Князь уехал. Отсюда можно заключить, что дело было так: генерал *Кирьяков*, желая занять позиции на вершине горы, разослал бывших при нем адъютантов с приказанием отступать, не определив при том, где войска должны остановиться, сам же, быть может лично наблюдая движения неприятеля, отстал от войск, начавших отступление, и когда под ним была убита лошадь, пошел пешком за войсками, которые, не останавливаясь, продолжали отступать в ожидании приказа остановиться. Видя это, генерал, быть может, и хотел остановить их, но, будучи сам без лошади и не имея при себе адъютантов, не мог исполнить своего намерения. Адъютанты (если не были ранены) не возвратились скоро, быть может потому, что издали не могли заметить генерала, шедшего

Как бы то ни было, но полки 2-й бригады 17-й пехотной дивизии (батальоны Тарутинского полка также отступили, сообразуясь с движением войск первой линии) и батальоны Белостокского и Брестского полков отошли за телеграф и продолжали отступление в то время, когда первый натиск неприятеля на мост был отбит.

Англичане между тем снова устремились к мосту. Две английские бригады занимали уже сады между деревнями Бурлюк и Тарханлар и оттуда могли совершить переправу вброд тем удобнее, что в этом месте войска наши (Суздальский полк) были значительно удалены от реки, и только две роты 6-го стрелкового батальона могли встретить батальным огнем переправу за холмом. Переправясь здесь, а равно и ниже моста, где тоже были броды, англичане удобнее могли бы овладеть эполементом, но они упорствовали в намерении переправиться прямо через мост и тем дали

Французская дивизия генерала Боске форсирует Альму.
Гравюра с картины И. Пилса

нам возможность еще долгое время удерживать их на переправе. Наконец, через груды тел собратий, одному батальону, из числа сменивших бригаду *Кодрингтона*, удалось через мост достигнуть левого берега Альмы. Видя это, князь *Горчаков* приказал менее пострадавшим от огня штуцерных 4-му, а вслед затем и 2-му батальонам егерского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка ударить в штыки, а Углицкому полку, чтобы несколько приблизить его к эполементу, было приказано стать в балке за левым флангом эполемента, близ того места, где стояли донские батареи. 4-й батальон полка Его Высочества двинулся прямо по направлению к мосту и вскоре очутился между ним и эполементом. 3-й батальон шел по следам 4-го. Чтобы не стрелять по своим, батарея, бывшая в эполементе, должна была прекратить картечный огонь. Неприятель, понимая преимущества своего огнестрельного оружия, благоразумно избегал рукопашного боя и, не дождавшись удара, поспешно отступил за мост. Развернув ближайšie к мосту колонны, он встретил нашу атаку сосредоточенным огнем стрелков и развернутого фронта. Осыпанные пулями нескольких тысяч штуцерных и не видя уже на левом берегу неприятеля, егерские батальоны наши отступили; но так как в этой атаке был убит полковой командир, полковник *Селезнев*, и оба батальонные командира, а равно и большая часть обер-офицеров и нижних чинов также выбыли из строя, то остатки батальонов, никем не руководимые, отступали в беспорядке прямо на эполемент.

Таким образом батарея, расположенная в этом эполементе, была лишена возможности своим огнем прикрыть отступление. Неприятель воспользовался как нельзя лучше этим обстоятельством. Расстроенные батальоны первой линии английских войск были сменены батальонами второй линии, и свежие войска, поспешно переправясь через мост, двинулись по следам наших егерей прямо к эполементу. Лишенные начальников и, вероятно, руководимые желанием задержать преследовавшего неприятеля, егеря отступали, отстреливаясь. Это значительно замедляло их собственное движение, нисколько не задерживая неприятеля, и потому когда наконец они перешли на фланги эполемента, то неприятель был уже слишком близок к эполементу. Потерявшая во время боя большое число прислуги и лошадей, № 1 батарея 16-й артиллерийской бригады, видя вблизи пред собою неприятеля, готового броситься на эполемент, должна была отступить вместе с полком

Его Высочества, тем более что 1-й и 2-й батальоны того же полка, находившиеся на правом фланге эполемента, на местности, открытой неприятельским выстрелам, были также значительно ослаблены потерей людей от огня неприятельских штуцерных, а потому не могли оказать достаточного сопротивления наступлению английских колонн. Батарея, за убылью лошадей, не могла увезти с собою два орудия: они остались на месте и вскоре вместе с эполементом были в руках неприятеля.

Князь *Горчаков*, как только заметил отступление егерей, приказал двинуть к ним на подкрепление два батальона Владимирского пехотного полка¹⁵. Посланные батальоны (1-й и 2-й) подоспели вовремя: неприятель не успел еще осмотреться, как владимирцы, стремительным ударом в штыки, выбили его из эполемента. Англичане при этом едва успели сделать несколько выстрелов. Заняв эполемент, владимирские батальоны из-за бруствера открыли батальный огонь по неприятелю, бежавшему к мосту.

Но теперь надо предварительно изложить то, что до этого момента успело совершиться на левом фланге и в центре нашего отряда.

Легкие батареи 17-й артиллерийской бригады, действовавшие против *Боске*, потерпели значительную потерю в лошадях и прислуге и были сменены двумя донскими батареями.

Кроме того, на подкрепление Московского и Минского полков выслана коннолегкая № 12 батарея, которая заняла место на левом фланге, близ д. Орта-Кисек, и действовала под прикрытием двух дивизионов гусар, по одному из каждого полка¹⁶.

Несмотря на значительную потерю, Московский и Минский полки стойко удерживали французов, и генерал *Боске* ни шагу не двинулся вперед до прибытия дивизии *Капробера*, посланной к нему на подкрепление, как это было уже сказано.

Заметив отступление войск, стоявших близ оврага, *Капробер* не пошел по следам колонны *Боске*, а поспешно переправился через Альму, прямо в деревне Альма-Тамак, и, частью по альма-тамакской дороге, частью по оврагам, без большой потери поднялся на высоты и явился во фланг Московского полка. Две роты 6-го стрелкового батальона, действовавшие в этом месте, могли бы нанести огромный вред дивизии *Капробера*, но, не имея патронов и не будучи в состоянии отыскать своих патронных ящиков, бывших где-то за правым флангом отряда, стрелки отступили, когда 1-я французская дивизия еще не начинала подыматься на возвышения, — следовательно, альма-тамакская дорога была совершенно открыта для неприятеля. Московский полк не мог не отступить при появлении во фланг целой французской дивизии¹⁷, и линия фронта

¹⁵ В это время командир Владимирского полка полковник *Ковалев* был ранен навзлет в грудь пулею, и полк пошел в атаку, лишившись уже полкового командира.

¹⁶ В статье генерал-майора *Вушиа* сказано, что гусарский полк прикрывал батарею, но я в этом случае придерживаюсь сведения, почерпнутого в журнале военных действий корпуса.

¹⁷ Все мы, более или менее, «жрецы минутного, поклонники успеха», и потому многие отзываются лучше о действиях Минского полка оттого только, что он долее Московского держался на первой своей позиции. Мне кажется, что оба полка равно отлично исполняли свой долг, и если бы Минский полк стоял на месте Московского, то точно так же был бы вынужден отступить первый, не будучи в состоянии бороться с такою массой неприятельских войск.

нашего левого фланга подалась правым флангом назад. В это время и дивизия принца *Наполеона* из садов д. Альма-Тамак переправилась также через реку Альму и также без потери достигла вершины высот левого берега против телеграфа.

В некотором расстоянии, за телеграфом, были остановлены войска генерала *Кирьякова*, которые встретили дивизию *Наполеона* довольно сильным огнем, но не на подъеме, а уже на вершине горы. Тотчас же после этого последовала общая атака всех трех французских дивизий, бывших на высотах левого берега, что заставило отступить всю линию наших войск, расположенную от телеграфа до левого фланга включительно. Маршал *Сент-Арно* прибыл на высоты вслед за дивизией принца *Наполеона* и, как только войска овладели телеграфом, получил известие о том, что атака англичан отбита и что они находятся в затруднительном положении. Чтобы подать скорейшую помощь союзникам, французский главнокомандующий приказал одной из своих бата-

Битва на реке Альме. Атака шотландской пехоты.
Гравюра

объезд по дну оврага, бывшего за позицией Суздальского полка, и она не могла прибыть в скором времени. При таких обстоятельствах, не получая давно никаких известий о ходе дела на высотах левого фланга и полагая нелишним принести новую жертву для удержания за собою позиции, князь *Горчаков* приказал Владимирскому полку ударить в штыки. Неприятель еще не успел окончательно построиться на левом берегу реки, и потому, несмотря на его многочисленность, можно было

надеяться смелым и быстрым ударом опрокинуть его снова за реку и таким образом выиграть время. Увлеченные примером офицеров, владимирцы с криком «ура!» бросились частью прямо чрез насыпь эполемента, частью же обожали его с флангов и быстро устремились на неприятеля, поспешно строясь на походе. Князь *Горчаков* и генерал *Квицинский* присутствием своим ободряли солдат¹⁹. Решимость и быстрота движения Владимирского полка заставили дрогнуть первую линию английских батальонов, и они уже бросились к мосту, как вдруг за-

ремел беглый огонь французской батареи с прежде бывшей позиции Бородинского полка. Это обстоятельство, поразив наши колонны неожиданностью, ободрило англичан: отступившие батальоны их остановились и открыли по Владимирскому полку батальный огонь, тем более убийственный, что пространство, разделявшее нас от неприятеля, не превышало ста сажен. С новым порывом и новым криком «ура!» рванулись вперед владимирцы, но перекрестный огонь нескольких тысяч штуцеров и французской батареи мгновенно вырвал из рядов многие сотни храбрых, и Владимирский полк, лишенный большей части (чтобы не сказать почти всех) своих офицеров и не имея непосредственно за собою никакого подкрепления²⁰, не был в состоянии нанести удара и отступил к эполементу. Так же как и прежде, по следам отступавших, англичане двинулись к эполементу, который мы не успели вновь занять артиллериею. Но остатки храброго Владимирского полка из-за бруствера эполемента опять открыли беглый огонь и остановили движение неприятеля.

Было очевидно, что сражение потеряно, но, желая увезти два орудия, оставленные батареею, и чтобы облегчить отступление артиллерии, занимавшей первый эполемент, генерал *Квицинский* остался с Владимирским полком на эполементе и продолжал удерживать неприятеля. Остановившиеся в нерешимости английские батальоны отвечали батальным огнем на выстрелы Владимирского

¹⁸ В сумерки 16-я пехотная дивизия прибыла на Качу и должна была приостановиться, выжидая, пока пройдут обозы, скопившиеся и совершенно загородившие дорогу на переправе чрез реку. Я был немедленно командирован на левый берег, чтобы засветло высмотреть места, где поставить полки, и нашел Бородинский полк уже расположенным бивуаками на вершине высот левого берега. Рядом с ним поздно ночью был поставлен Углицкий полк.

¹⁹ Во время этой атаки оба генерала находились при Владимирском полку, но только в противоположных флангах, что единогласно утверждают офицеры Владимирского полка, бывшие в этом деле.

²⁰ Углицкий полк был оставлен на месте, в версте расстояния от эполемента, а значительно ослабленный потерей полк Его Высочества находился близ прежде бывшей позиции Владимирского полка и также не получал никаких приказаний о движении вперед для поддержания атакующих.

полка. Французская батарея продольно действовала по эполементу, и дорого стояли владимирцам те 20 минут, в течение которых они удерживали натиск более чем целой английской дивизии.

Наконец, видя справа и слева приближение свежих английских батальонов, генерал *Квицинский* приказал Владимирскому полку начать отступление. Едва генерал успел отдать это последнее приказание, как три штуцерные пули повергли его с лошади. Подняв раненного в бок, руку и ногу начальника, Владимирский полк отступил, отстреливаясь. В рядах полка остался только один штаб-офицер, два ротных командира и 7 обер-офицеров, из коих некоторые были ранены. Неприятель не преследовал отступающих, а медленно потянулся прямо на гору, откуда уже снялась артиллерия, и не пошел далее. Суздальский полк также начал отступление. Два орудия, оставшиеся в эполементе, увести не было возможности — ими овладел неприятель.

Вслед затем и Углицкий полк, прикрыв собою остатки Владимирского и Его Высочества полков, стал подыматься в гору по дороге, бывшей за его правым флангом.

Неприятель между тем успел втащить на вершины горы несколько орудий и открыл по Суздальскому и Углицкому полкам артиллерийский и штуцерный огонь, от которого Углицкий полк, пока взобрался на гору, потерял более ста человек. (До этого времени, не будучи в деле, он имел только незначительную потерю от навесно падавших штуцерных пуль.)

Когда же оба полка вышли из-под выстрелов английской батареи, англичане прекратили огонь. В то время как Углицкий полк достиг вершины горы, в остальной части отряда происходило следующее: войска левого фланга также отступали и находились уже за деревню Аджи-Булат. Чтобы занять интервал, образовавшийся между войсками

обоих флангов отряда по удалении войск генерала Кириякова, и прикрывать отступающих, по приказанию главнокомандующего генерал-лейтенант *Квицинский* поставил на небольшом возвышении, близ бывшей позиции главного резерва, три менее пострадавшие батареи: коннолегкую № 12 и легкие № 3 и 4 14-й артиллерийской бригады. Эти батареи под прикрытием Волынского полка открыли уже огонь. Правее их строилась развернутым фронтом гусарская бригада.

Все решительно полки отступали без всякой суеты и в совершенном порядке; но здесь случилось обстоятельство, вследствие которого генерал-майор *Вуниш* в своей статье говорит так: «Я застал войска наши уже отступившими от моста; один батальон, без офицеров и в числе менее 200 человек, отступал в беспорядке; главнокомандующий, заметив это, приказал собрать людей к знамени, поставить перед ним хор музыкантов и отступать с музыкой; это было немедленно исполнено, и беспорядок исчез». В сущности же, это было иначе. Углицкий полк, миновав уже строящуюся гусарскую бригаду, спустился в ложину, образуемую вершиною долины Улукул, когда к нему приблизился главнокомандующий со своим штабом и поехал впереди полка. Полк шел стройно, предшествуемый хором музыки; только батальоны, построившиеся на походе в две линии, не соблюдали должных интервалов

и дистанций и слишком сблизились во время движения. Уже давно полк вышел из-под выстрелов²¹, и несколько офицеров, идя кучкою сзади колонн, говорили, вероятно, о минувшем сражении. В пылу разговора один из них произнес довольно громко команду: «Беглым шагом, марш»; в передних рядах кто-то повторил эту команду (вероятно, приняв ее за команду начальника), и полк побежал. Вслед за этим два шальные ядра, направленные в развернутую линию гусар, рикошетами пронеслись в ложину, шагах в двухстах от фланга полка. Шум ли этих ядер, или топот беглого шага заставил обернуться главнокомандующего, ехавшего сажень в двадцати впереди музыкантов, только князь остановил лошадь и с неудовольствием приказал остановить полк, а потом идти с музыкою, что и было немедленно исполнено. Полк был огорчен неудовольствием князя: все поняли, что их подозревают в трусости; но — увы! — не нашлось никого, кто бы объяснил главнокомандующему причину, по которой батальоны шли беглым шагом. Итак, не батальон без офицеров, в котором было не более 200 человек, а целый полк, не участвовавший в деле и уже долгое время не подвергавшийся выстрелам неприятельским, считавший себя вне всякой опасности, следовательно, ни в каком случае не бывший и под влиянием панического страха, был остановлен главнокомандующим. Что это был действительно Углицкий полк, а не разбитый батальон, может быть подтверждено тем, что только при одном этом полку, большой командир которого оставался в Симферополе, была полковая музыка. Командиры прочих полков еще до сражения отправили музыкантов вместе с обозами к реке Каче. <...>

Я счел долгом объяснить эти обстоятельства, чтобы, по словам генерал-майора *Вуниша*, чье-либо подозрение не пало на батальоны Владимирского полка, который в альмском сражении исполнил все, что можно было требовать, и на который ближе всего может пасть это обидное подозрение, так как из всего вышеизложенного читатель видит, что только этот полк выдерживал последний напор неприятеля перед мостом, а далее будет видно, что только его батальоны после битвы могли быть в плачевном составе 200 человек. Вскоре после этого эпизода, сделавшего самое неприятное впечатление на Углицкий полк, отряд, под прикрытием которого отступали войска, также начал отступление. Неприятель не преследовал; и сражение было кончено. Весь отряд наш ночевал за рекою Качею, а 9-го сентября отступил к Севастополю.

Причины, по которым неприятель нас не преследовал, следует отнести ко многим обстоятельствам, которые, взятые вместе, были достаточны для того, чтобы заставить союзников отказаться от преследования; это было: упорное сопротивление наше, утомление войск, потери, недостаточное количество кавалерии, болезнь генерала *Сент-Арно*; но главная из них состояла, вероятно, в том, что власть над союзною армиею была разделена между

²¹ Огонь французских войск был отвлечен тремя батареями, действовавшими под начальством генерал-лейтенанта *Квицинского*, и Углицкий полк, с того времени как достиг вершины горы, не подвергался выстрелам.

Генерал-лейтенант О.А.Квицинский, начальник 16-й пехотной дивизии. Литография конца 1850-х годов. ГМТ

двумя главнокомандующими, и хотя *Сент-Арно* имел некоторый авторитет, но все же действовал не иначе, как по соглашению с лордом *Рагланом*, и вопрос о преследовании едва ли мог быть положительно решен перед сражением. Сюда же надо отнести и то обстоятельство, что сражение кончилось довольно поздно, и неприятель не мог рассчитывать на то, что до наступления ночи успеет овладеть рекою Качею, левый берег которой представлял те же выгоды к обороне, как и позиция наших войск при р. Альме. Следовательно, после неудачного преследования, за малочисленностью кавалерии, союзникам могла предстать необходимость возвратиться на берег р. Альмы, потому что между Альмой и Качею лежит степь, совершенно безводная; а без воды нельзя же оставить утомленное войско.

В альмском сражении мы потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими 4 генерала, 23 штаб- и 170 обер-офицеров и 5511 нижних чинов: всего 5708 человек; урон неприятеля состоял из 4311. На долю полков 16-й пехотной дивизии (несмотря на то, что они вступили в дело позже войск левого фланга и менее подвергались артиллерийскому огню) приходится большая часть всей потери нашего отряда, а именно: 3 генерала, 9 штаб- и 82 обер-офицера и 2928 нижних чинов, всего 3022. Из числа выбывших из строя принадлежали: Владимирскому полку штаб-офицеров 5, обер-офицеров 42, в том числе 14 ротных командиров, нижних чинов 1260; полку Его Высочества: 3 штаб- и 25 обер-офицеров и 1124 нижних чина; Суздальскому: 1 штаб- и 12 обер-офицеров и 407 нижних чинов; Углицкий полк потерял обер-офицеров 5 и 137 нижних чинов. Столь значительную потерю 16-й пехотной дивизии не следует ли отнести отчасти и к тому, что у англичан целые полки были вооружены штуцерами, тогда как у французов только 9 батальонов, из которых не все принимали деятельное участие в сражении. Огонь развернутых французских батальонов, вооруженных гладкоствольными ружьями, хотя у них употреблялись уже цилиндрические пули, все-таки не мог быть так губителен, как огонь развернутых английских батальонов, вооруженных штуцерами.

IV

Причину нашей неудачи в альмском сражении обыкновенно объясняют малочисленностью нашего отряда и недостаточным числом штуцерных, сравнительно с союзной армией. Иные же не верят официальным донесениям главнокомандующих союзных войск и предполагают, что потеря неприятеля в альмском сражении должна была равняться нашей. Но, вникнув во все подробности сражения, поневоле убеждаешься, что причину нашей неудачи нельзя приписать исключительно малочисленности войск и недостатку в штуцерных, да и относительно урона со стороны неприятеля, кажется, можно допустить, что цифра 4311 не должна значительно разниться с истинной.

Оставя в стороне соображения, руководившие нами при избрании момента и места встречи с неприятелем, взглянем только на то, как приготовились мы защищать избранную нами позицию.

При первом взгляде, нас поражают три обстоятельства, которые и были главной причиной как неуспеха, так равно и большей потери с нашей стороны. *Первое* то, что

Англичане форсируют Альму. Литография с картины Л. Джонса

мы не расчистили садов и не уничтожили каменных оград на правом берегу р. Альмы; *второе* — не позаботились об устройстве хоть кое-каких ложементов для стрелков; для всех этих работ недостатка в людях быть не могло: со дня высадки стали прибывать войска, и к 3 сентября на Альме было более 30 батальонов, и, наконец, *третье*: мы не заняли войсками и даже не поставили наблюдательного поста на высотах между оврагом и мысом. Эти высоты, кроме того, можно было окопать и сделать недоступными для подъема,

что не требовало большого труда, потому что крутизны и сами по себе были едва доступны. Этого также не было сделано.

Таким образом, мы сберегли неприятелю надежную защиту от наших выстрелов и свободный проход во фланги нашего отряда, а сами, оставаясь совершенно открытыми, приготовились вдобавок встретить врага большею частью в массивных батальонных колоннах.

Сады, окруженные каменными оградами, давали неприятелю столько удобств к защите, что мы лишены были

Победа при Альме. 1854. Литография с картины Э. Уолкера

возможности перейти в наступление. Отбив атаку и обратив в бегство, мы не могли преследовать врага и довершить поражение: переправясь за реку, он был уже за крепостными воротами. Имея малое количество штуцерных, мы по необходимости употребляли простых застрельщиков, вооруженных гладкоствольными ружьями, при патронах с круглыми пулями. Застрельщики, будучи совершенно открыты, не могли держаться на таком близком расстоянии от цепи неприятельских штуцерных, чтобы выстрелы их

были достаточно метки, а удары круглых пуль вполне действительны²². Скрытые за оградами неприятельские стрелки так мало подвергались опасности от огня наших застрельщиков, что по собственному выбору могли направлять свои выстрелы то на колонны, то на артиллерию. Это они делали постоянно, ибо артиллерия и колонны представляли лучшую цель для выстрела, несмотря на несколько большую дальность расстояния. Если бы застрельщики наши могли держаться поближе, то привлекли бы на себя огонь неприятельской цепи, что было бы для нас несравненно выгоднее.

По недостатку штуцерных, нам следовало стараться употребить в дело как можно более артиллерии, которой мы имели в достаточном количестве. Но у нас было только

²² Вследствие этого, легко могло случиться, что у союзников после альмского сражения число убитых, сравнительно с числом раненых, было менее обыкновенной соразмерности одного убитого на двух раненых.

Мемориал на месте Альминского сражения. На первом плане — памятник воинам Владимирского полка. Сооружен в 1902 году. На втором плане — памятник-obelisk русским воинам, павшим в сражении. Выполнен в 1884 году. Фото С.Клименко. 2011

два эполемента, в которых помещались две батареи, а остальные, не имея никакого прикрытия, теряли столько людей и лошадей в короткое время, что не могли долго держаться под штуцерным огнем. Легкие батареи 16-й артиллерийской бригады, расположенные на той же самой позиции, где находились в начале боя, могли бы принести огромную пользу и держаться столько же, сколько и батарейная батарея той же бригады, если бы были прикрыты эполементами и не имели в столь близком соседстве садов и оград.

Но гибельнее всего было для нас то, что мы не укрепили и не заняли войсками упомянутые высоты. Появление колонны Боске на фланге нашего отряда решило судьбу сражения, как это было объяснено выше, и только тогда мы постигли свою ошибку. <...>

Вот что я могу сказать о ходе альмской битвы, заставившей нас менее рассчитывать на непобедимость нашего штыка и обратить более внимания на штуцерное оружие.

Чтобы выказать вполне степень нашего невнимания к штуцеру до крымской кампании, я должен сказать, что, несмотря на малочисленность штуцерных, бывших при нашем отряде, они не все участвовали в деле. Те же, которые находились в цепи, будучи употреблены без должного расчета, не принесли надлежащей пользы. Так, первый полубатальон 6-го стрелкового батальона мог бы быть употреблен с большею пользою противу моста, нежели на правом фланге, где можно было заменить его застрельщиками и штуцерными Суздальского полка.

Кроме того, 1-я и 2-я стрелковые роты, так же как и роты 2-го полубатальона, не могли отыскать своих патронных ящиков и потому должны были расходовать патроны экономически. То же самое случилось с некоторыми полками и даже, как я слышал, с артиллериею. <...>

Кроме 6-го стрелкового батальона, у нас было при каждом полку по 96 стрелков, вооруженных штуцерами. Следовательно, всех штуцерных мы имели около 1700 человек, а может быть, и более. Полковые штуцерные стрелки не только не были сведены в один или два батальона, но и в полках действовали большей частью не отдельными командами, а находясь при своих ротах. Вследствие такого распоряжения, во время битвы пальбу производили штуцерные только тех рот, коих застрельщики были рассыпаны; поэтому большая часть (по крайней мере $\frac{2}{3}$) полковых штуцерных не выпустила ни одного патрона. Те же из них, которые находились в цепи, действовали не там, где выстрелы их могли принести наибольшую пользу, а в тех местах, где пришлось рассыпаться застрельщикам рот, в которых они состояли. Очевидно, что если бы до сражения сформировали из штуцерных сводные батальоны, то было бы возможно употребить их именно в тех местах, где было нужнее, и сверх того они все до единого могли бы участвовать в перестрелке. Весьма важно также и то, что, действуя отдельно, штуцерные оставались бы под начальством тех офицеров (заведовавших в полках штуцерными командами), к которым привыкли. <...>

Наши штуцерные были доведены в стрельбе до такого совершенства, выше которого излишне требовать; неприятельские же стрелки стреляли несравненно хуже

(что можно было заметить и при Альме, особенно же в Севастополе), так что наши 1700 человек стоили по крайней мере 3000 неприятельских штуцерных, и если бы все эти 1700 человек были употреблены в дело с должным расчетом, если бы к тому же не случилось недостатка в патронах, то, может быть, несмотря ни на что, потеря неприятеля сравнялась бы с нашей. <...>

Выше было мною упомянуто о медленности движения английских войск. Англичане, действительно, отличались в течение всей крымской войны непомерною медленностью в движениях, и в сражении при Альме они именно

Подполковник М.А.Енишерлов, автор «Описания сражения при реке Альме». Фото 1860-х годов, Пенза. Публикуется впервые

по причине этой медленности понесли урон несравненно больший против французов. Французы, имевшие возможность испытать действие штуцеров в Африке, поняли еще до крымской войны, что при дальности и меткости штуцерного выстрела необходимо как можно стараться причудить войска к быстрым движениям. Кроме того, война в Алжире требовала также особенной быстроты в движениях пехоты. Поэтому во французских войсках еще задолго до крымской экспедиции солдаты тщательно обучались гимнастике, и в отношении тактического образования солдат французам бесспорно принадлежало первенство даже перед нами, не только что перед англичанами. Французские войска уступали нам только в меткости стрельбы артиллерии и штуцерных. Не говоря уже о ловкости и быстроте французских стрелков, особенно зуавов, которые при этом мастерски умели пользоваться малейшим прикрытием, самые колонны фран-

цузские отличались быстротою в атаках. Несомненно, что этой быстроте в атаках, более нежели чему другому, французы обязаны успехом взятия Малахова кургана. У нас же, не только прежде, но даже и теперь, во многих частях армии, при обучении войск, жертвуют быстротою для стройности и красоты движения. В старые же годы равнение требовалось так педантически строго, что батальон, идя беглым шагом, двигался лишь немного быстрее человека, идущего с среднею скоростью обыкновенной походки. Зная, что строже всего требуется равнение, солдаты укорачивали шаг до крайности, и редко кто замечал это, лишь бы не сбились с ноги да не сквозили шеренги.

После крымской войны мы стали деятельно стремиться к исправлению недостатков строевого образования нашей армии, но, несмотря на это благое стремление, на преобразование устава сообразно требованиям современной тактики, успехи наши далеко еще не удовлетворительны. Причина этого заключается именно в том, что не все офицеры постигли современный характер военного дела и не все убеждены в прямой пользе нововведений. Привычка к старому порядку вещей, встречающаяся в армии, еще борется с необходимостью полезных преобразований; но это необходимо, следовательно, исход борьбы несомненен; остается только желать, чтобы усовершенствования и преобразования по военной части во всех нас, военных, нашли полное сочувствие, которое одно может ускорить и обеспечить успех обучения нашей армии сообразно современным требованиям военного искусства.

<Конец 1850-х гг.>

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ

Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869) — светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, правнук фаворита императора Петра I. Во время сражения на реке Альме командовал русскими войсками. Главнокомандующий сухопутными и морскими войсками в Крыму.

Петр Дмитриевич Горчаков (1790–1868) — князь, генерал от инфантерии, участник покорения Кавказа и Крымской войны.

В сражении при реке Альме командовал войсками правого фланга.

Василий Яковлевич Кирьяков (1800–1862) — генерал-лейтенант. Во время Крымской войны командовал 17-й пехотной дивизией. В сражении при реке Альме руководил войсками левого фланга.

Онуфрий Александрович Квицинский (1794–1862) — генерал-лейтенант, командир 16-й пехотной дивизии в сражении при реке Альме. Лично водел в штыковую атаку батальоны Владимирского полка. Был тяжело ранен. За храбрость, проявленную в Альминской битве, был награжден орденом св. Ал. Невского и бантом к ордену св. Георгия 4-й степени.

Василий Федорович Вуши — генерал-майор, во время Альминского сражения полковник, начальник штаба главнокомандующего русскими войсками светлейшего князя А.С.Меншикова.

СОЮЗНЫЕ ВОЙСКА

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ

Фицрой Джеймс Раглан (1788–1855) — лорд, британский генерал, позже фельдмаршал, командующий английской армией в Крымской войне. Командовал английскими войсками в битве при Альме. Умер под Севастополем от холеры.

Джордж де Ласи Эванс (1787–1870) — генерал-лейтенант, командир 2-й дивизии. В Альминском сражении был ранен.

Джордж Броун (Браун) (1790–1865) — английский генерал-лейтенант, командир легкой дивизии. В сражении при Альме командовал левым крылом союзных войск.

Ричард Энгленд (Ингленд) (1793–1883) — английский генерал, командир 3-й дивизии.

Георг, герцог Кембриджский (1819–1904) — британский фельдмаршал. Член королевского дома Ганноверов, двоюродный брат королевы Виктории. В звании дивизионного генерала участвовал в сражении при Альме. Командир 1-й дивизии.

Джордж Каткарт (1794–1854) — английский генерал.

Командовал 4-й дивизией британской армии. Убит в битве при Инкермане. В Севастополе его именем назван холм (Каткартов холм), на котором находится английское кладбище времен Крымской войны.

Джордж Буллер (1802–1884) — генерал-майор, командир 2-й бригады дивизии легкой пехоты.

Коллин Кэмпбелл (1792–1863) — лорд, 1-й барон Клайд Клайдсдельский, британский фельдмаршал. Во время Альминского сражения генерал-майор, командир бригады.

Уильям Джон Кодрингтон (1800–1884) — английский генерал-майор, командир 1-й бригады дивизии легкой пехоты.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

Арман Жак Леруа де Сент-Арно (1796–1854) — маршал Франции. Командовал французской Восточной армией во время сражения на Альме и под Севастополем. Тяжело заболел, передал 26 сентября 1854 г. командование французской армией в Крыму генералу Канроберу.

Пьер Франсуа Жозеф Боске (1810–1861) — французский дивизионный генерал, с 1856 г. маршал Франции. В сражении при Альме командовал правым крылом союзных войск, где действовали французы.

Наполеон Жозеф Бонапарт (известен как «принц Наполеон») (1822–1891) — двоюродный брат и советник Наполеона III, дивизионный генерал, участник Крымской войны.

Эли Фредерик Форе (1804–1872) — французский генерал, командир 4-й резервной дивизии в сражении при Альме.

Шарль Франсуа Ксавье д'Отмар (1805–1891) — французский генерал, командир бригады.

Мари Жозеф Гийом Буа (1802–1859) — французский генерал, командир 2-й бригады в сражении при Альме.

Франсуа Сертен Канробер (1809–1895) — французский дивизионный генерал (с 1856 г. — маршал Франции). В сражении при Альме командовал 1-й пехотной дивизией. С 26 сентября 1854 г. — главнокомандующий французской армией под Севастополем. С 1 августа 1855 по 18 марта 1856 г. был адъютантом императора Наполеона III.

ПУБЛИКАЦИЯ В.П.ЕНИШЕРЛОВА

Мемориал, посвященный Альминскому сражению. Памятник-саркофаг павшим англичанам привезен из Англии и установлен на братской могиле в 1877 году. Фото С.Клименко. 2011